

Глава 1

Долки — прибрежный городок, от Дублина милях, наверное, в двенадцати к югу, на побережье. Город этот неправдоподобен, нахохлен, тих, делает вид, что спит. Улицы его узки, не вполне очевидны как таковые, а перекрестки их — словно бы случайны. Мелкие лавки смотрятся закрытыми, однако на самом деле работают. Долки выглядит скромным поселением, кое, по ощущениям путешественника, должно существовать бок о бок с населенным пунктом первостепенной важности и достоинства. Так и есть: Долки — паперть небесного созерцанья.

Узрите же. Взойдите затененной унылой тропой, что подобна проулку, *per iter*, так сказать, *tenebricosum*¹, и посмотрите, как внезапно разразится, словно по волшебству отдернули занавес, она. Да, Вико-роуд.

Боже праведный!

Сама дорога мягко загибается вверх, и за невысокой стеной слева от пешеходной тропы простирается очарование: каменистое разнотравье, стремительно

ниспадающее к словно бы игрушечной железной дороге где-то там, внизу, и за нею — безмерное вечное море, что покойно шевелится на громадных просторах залива Киллини. Высоко в небе, кое соединяется с ним по шву вовсе не безупречному, к востоку безмолвно тянется с натугою караван легких облаков.

А что же справа? Чудовищное высокомерие: могучее гранитное плечо вздымается все выше, пальто его из драка и орляка отделано жестким галуном сосны, ели, пихты и конского каштана, а далее — изящными купами стройного, въедливого эвкалипта, и всё это — прелесть мягко трепещущих листьев, сумбур света, цвета, дымки и изобильного воздуха, чудо, кое сплошь виридоново, вселиственно, вертикально, венчиково, вихрево, в тени ветвей — даже вечеренно. О небеси, уж не просочилось ли что из словаря сержанта Фоттрелла?

Но отчего название такое — Вико-руд? Следует ли здесь, в великолепии этом, вспомнить некоего философа² и его видение удела человеческого на Земле: тезис, антитезис, синтез, хаос? Вряд ли. А следует ли сравнить сие с Неаполитанским заливом? И думать не стоит, ибо в Неаполе положено быть жаре и превозмогающим тяготы иссушенным итальянцам — и никакого нежного ирландского небосклона, никаких ветерков, что кажутся почти цветными.

На громадном расстоянии впереди и выше посильно разглядеть маленький белый обелиск, воздвигнутый над несколькими ступенями, где можно сидеть и созерцать

все это зрелище: море, полуостров Хоут на той стороне залива, а вдалеке справа — смутные очертанья гор Уиклоу, синие либо серые. Уж не в честь ли Создателя всего этого великолепия воздвигнут был памятник? Нет. Быть может, в память о достославной ирландской личности, кою Он когда-то сотворил, — Иоанна Скота Эригена, вероятно, или же, допустим, Парнелла?³ Разумеется, нет: в честь королевы Виктории.

Майкла Шонесси донимала Мэри. Праздно мелькала она, искусительно, на закраинах его сознания: темно-карие глаза, светлые волосы, мягкость и вместе с тем — достоинство. Она воистину была ему докукой, однако вечно где-то рядом. Он нахмурился и сжал кулак, но прерывистое бормотание прямо у него за спиной возвестило о приближении Хэкетта.

— Как она поживает, — спросил он, поравнявшись, — эта благочестивая твоя Мэри?

Вовсе не впервые этот смазливый мужлан явил способность угадывать мысли — мерзкое дарованье.

— Не лезь не в свое дело, — нелюбезно ответил Шонесси. — Я вот никогда не спрашиваю про даму, которую ты именуешь Астериск Агнес.

— С нею все очень хорошо, если тебе интересно, спасибо.

Они двинулись дальше, вяло держась за свои влажные купальные принадлежности.

В низкой береговой стенке имелась крошечная брешь, через которую можно было попасть на ухабистую тропу

к железнодорожным путям далеко вниз, а там пешеходный мостик вел к купальне под названием «Белая скала». У этой брешы стоял человек, кое-как опираясь о стену рукой. Приблизившись, Шонесси увидел, что человек тот худощав, высок, гладко выбрит, а на чрезмерно крупной голове его редкие светловатые волосы расчесаны на пробор.

— Бедолага поранился, — заметил Хэкетт.

Лицо человека было мирно и сдержанно, но чуть искажено гримасою. Обут в сандалии, правая ступня в области большого пальца запачкана свежей кровью. Они остановились.

— Вы поранились, сударь? — спросил Хэкетт.

Человек вежливо оглядел того и другого по очереди.

— Видимо, да, — отозвался он. — Там, внизу, повсюду объявления об опасностях моря. На суше обычно куда больше опасностей. Я расшиб палец на правой ноге о маленький острый осколок гранита, которого не заметил на этой чертовой тропе.

— Наверное, мы бы могли вам помочь, — сказал Шонесси. — С удовольствием проводили бы вас к гостинице «Рапс», в Долки. Нашли бы вам аптекаря или, вероятно, врача.

Человек чуть улыбнулся.

— Любезно с вашей стороны, — ответил он, — но я сам себе врач. Может, вы могли бы посодействовать и проводить меня домой?

— Ну разумеется, — сказал Шонесси.

— Далеко ли вы живете, сударь? — спросил Хэкетт.

— Вон там, — сказал человек, указав на возвышавшиеся деревья. — С пораненной ногой взбираться тяжело.

Шонесси понятия не имел, что на указанной твердыне имеется дом, но почти напротив была крошечная калитка, различимая в грубой ограде вдоль дороги.

— Если только вы уверены, что дом там *есть*, — бодро сказал Хэкетт, — мы почтем за честь уместно облегчить ваши тяготы.

— Достоинство этого дома в том, что почти никто, кроме почтальона, о нем не ведает, — ответил человек доброжелательно.

Они пересекли дорогу — сопровождающие легонько поддерживали пострадавшего под локотки. За калиткой узкая, но довольно гладкая тропинка прихотливо пробиралась вверх меж древесных стволов и кустарников.

— Пора бы мне представиться, — проговорил раненый. — Мое имя Де Селби.

Шонесси объявил свое, добавив, что все зовут его Миком. Он обратил внимание, что Хэкетт представился просто мистером Хэкеттом; в этом Мику почудилось вежливая отстраненность, вероятно — высокомерие.

— В этих местах, — отметил Де Селби, — поразительное обилие недотеп, обормотов и паскудников. Искусны ли вы, господа, в ирландском языке?

От такого *non-sequitur** Шонесси оторопел — в отличие от Хэкетта.

* Зд.: Непоследовательность (лат.). — Здесь и далее примечания переводчика, кроме случаев, оговоренных особо.

— Я о нем знаю премного, сударь. Прекрасный язык.

— Так вот, слово *tórg* означает «большой». У меня перед домом — мы уже близко — имеется лужайка, для местного ландшафта на удивление просторная. Я подумал назвать дом, соединив слова *tórg* и «ширь». Слово-гибрид, разумеется, так что с того? Нашел я в Долки мызгуна по имени Тейг Макгеттигэн. Он местный извозчик, рукодельник и синоптик: совершенно нет ничего такого, чего бы он не умел. Я попросил его изобразить на воротах это название, сказал нужные слова. Но погодите — сейчас сами увидите, что получилось.

Дом уже показался в виду — приземистая вилла из дерева и кирпича. Они приблизились, и лужайка Де Селби и впрямь оказалась довольно обширной, однако, увы, то был покатый простор, заросший жесткой, косматой травой, расцвеченной пазником. На деревянной калитке красовалось нанесенное черной краской название: «ШУР-МУР». Шонесси с Хэкеттом прыснули, а Де Селби замысловато вздохнул.

— Ну, боженька свидетель: я всегда чуял, что Тейг — наш местный Леонардо, — фыркнул Хэкетт. — Я с этим шельмецом близко знаюсь.

Они осторожно протиснулись внутрь. Ступня у Де Селби теперь уж была не только окровавлена, но и замурзана.